

«В те дни, когда в Москве Арбат существовал...»

Затем он спросил меня: «Вы хорошо знаете Москву?» — «Еще был» — ответил я.

Булат ОКУДЖАВА.
«Свидание с Бонапартом»

До Скуджавы стихотворно-песенная продукция в Москве дальше кремлевских стен и звезд, как правило, не шла. Земля начиналась от Кремля, им она и заканчивалась. Позже Окуджавы скажет, что начал писать о Москве «из чувства протеста» против лубочности и фальши. Ему хотелось показать более потаенную, более интимную, более бытовую Москву.

Арбат беру с собою — без него я ни на шаг, — Смоленскую на плечи я набрасываю, И Пресню беру — и не так, чтобы так, А Красную, Красную, Красную...

Неконтролируемый смысл поэзии Окуджавы показался опасным для приверженцев «соцреализма», и они почувствовали необходимость обороняться. И клеймили в газетных фельетонах необычного поэта с гитарой. А он продолжал петь.

...В Москве тех лет Окуджавы чувствует себя бесконечно свободно. И на зеленой скамье Тверского бульвара ему-де «не было, чтоб места не хватало», и в метро-то ему «никогда не тесно», и там, где другим «остановки нет», ему — пожалуйста, потому что «шофер в автобусе» — его «лучший друг».

Отношения Окуджавы со своим городом строятся на основе полного равноправия. «Я был его мальчишкой», — говорит он, обнаруживая свое сыновнее чувство, и тут же добавляет: «Я нянькой был его». Дальше выясняется, что поэту пришлось побывать и «его солдатом», и «его рабочим».

Полночный троллейбус — пожалуй, самый таинственный персонаж ранних песен Окуджавы.

Идущим по улице дверь
Я знаю, как в заблужденье
Твои пассажиры —
Приходят
На помощь.

«Идущим по улице» — это малоизвестный вариант зна-

менитой песни. Обычно вместо этих слов Окуджавы повторяет обращение: «Полночный троллейбус, мне дверь отвори...». С точки зрения изящной словесности так, наверное, лучше. Только вот «идущим по улице» — психологически, по-моему, более точно.

Москва, изображенная в песнях и стихах Окуджавы, конечно, исторически достоверна, узнаваема. И все же это вполне волшебный город. Окуджавы верит в чудо, призывает его, торопит:

Мостовая пусть качнется,
как очнется!
Пусть начнется, что еще
не началось!..

И чудо начинается! И по асфальтовому улочкам раздаётся давно забытый стук копыт, и появляются старинные извозчики, а за ближайшим поворотом стоит живой и невредимый Ленка Королев, не погибший от фашистской пули, а у «самых Арбатских ворот» прогуливается не кто иной, как Александр Сергеевич. Именно — «Сергеич». «Сергеевич» звучит слишком выпендрено, хрестоматийно, да и длинно.

По Пушкинской площади
плещут страсти,
Трамвайные жаворонки,
грех и смех...

Да не суетитесь вы!
Не в этом счастье,
Александр Сергеич помнит
про всех.

А между тем волшебство продолжается. Продолжается в музыке, расплескавшейся в окрестных улицах и переулках. Москва буквально напоена музыкой, она подобна торжественной симфонии, звучащей опять-таки не для всех, а лишь «для тех, кто понимает...». Представьте, вот невидимый капельмейстер взмахивает палочкой, и тотчас с окраин предвещает неясный голос труб. Это пробует свои инструменты «надежды маленький оркестрик под управлением любви». Пока еще «он слаб и одинок», но постепенно голос его набирает силу, вот он уже слышен над спящей Сретенкой, вот он уже «разрывает тьму», и с первыми лучами солнца к нему на помощь, взяв в руки кленовые палочки, спешит веселый барабанщик. Вот уже им вторит черешневый кларнет, за-

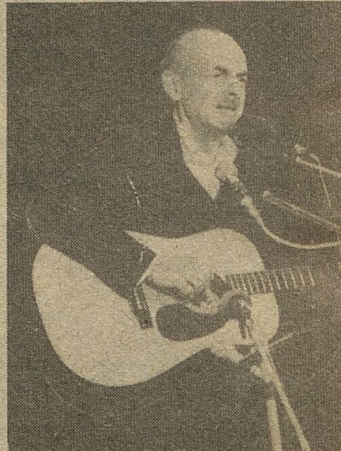
игравший в городском саду. Вот уже музыка звучит «за каждым поворотом», «из каждого окошка», превозмогая уверенный столичный гул. И в тот момент, когда эта симфония достигает наивысшего развития, заполняя собой весь город, все пространство, вновь приходит вечер, а затем и ночь, оркестр начинает звучать все тише и глуше, пока наконец совсем не смолкает. Но и в ночной Москве продолжается музыка...

Когда затихают
оркестры Земли
И все музыканты ложатся
в постели,
По Сивцеву Вражку
проходит шарманка —
Смешной, отставной,
одноногий солдат.

Представьте себе:
от ворот до ворот,
В ночи наши жесткие
души тревожа,
по Сивцеву Вражку
проходит шарманка,
когда затихают оркестры
Земли.

Однако вот и звуки шарманки растворились в изгибе старинного московского переулка. Наступила тишина... Впрочем, нет! Какая-то мелодия — знакомая и в то же время позабытая — все настойчивее напоминает о себе. Пойдите, да ведь это же «песня тридцать первого трамвая», прежде ходившего по соседнему с Сивцевым Вражком Арбату, доносится к нам эхом из тех счастливых времен, «когда еще в Москве Арбат существовал».

...Было время, жил Арбат своей особенной жизнью. Населял его особенный народ — арбатцы. Они теснились в коммунальных квартирах, терпеливо несли все тяготы своего времени, растили детей. Дети Арбата... Одним из них был Булат Окуджавы. Он появился на свет в роддоме имени Грауэрмана, что на Большой Молчановке. Учился в 69-й школе, в Дурновском переулке. Школы той тоже не существует, и переулка нет. Остальное время, как и все мальчишки, проводил во дворе. Нынче он вовсе не склонен идеализировать «тот двор с человеческой душой», как не склонен идеализировать прошлое. «Арбат был правительственной трассой, по которой ездил Сталин, поэтому все ворота и

подъезды были забиты специальными людьми. Тогда я этого как-то не понимал, а сейчас вспоминаю об этом неприятно», — рассказывал Окуджавы на одном из концертов.

Великую Отечественную войну Булат Окуджавы волею судьбы встретил не в Москве, а в Грузии, но, уходя добровольцем на фронт, искал поддержки именно у Арбата: «Ты обучи любви, Арбат, а дальше — дальше наше дело!».

После войны Окуджавы на Арбат не вернулся. Сыну «врагов народа» жить на центральной московской улице не полагалось. Он поступил в Тбилисский университет, окончил его, потом некоторое время учительствовал в Калуге. Возвращение в Москву состоялось лишь в 1956 году. Город, оставленный почти двадцать лет назад, был неизменен. И Арбат — тоже.

Но вот в шестидесятые годы затевается строительство грандиозного Калининского проспекта. Жертвой этого эпохального проекта пали Собачья площадка, Большая Молчановка, множество других уголков старой Москвы. По Арбату был нанесен сокрушительный удар. Как оказалось, не последний.

Постепенно с Арбата стали выселяться его коренные жители, создававшие климат улицы и района. На их место стали въезжать другие люди, для которых Арбат — всего лишь название, красивое и непонятное. Именно тогда, а не в далекое предвоенное время, когда Булат Окуджавы был лишен родного дома, он почувствовал себя «арбатским эмигрантом».

Окуджавы начал свою жизнь с Арбата. На Арбате он хотел ее и подытожить:

Не мучьтесь понапрасну:
всему своя пора,
Траву взрастите — к осени
сомнется.

Вы начали прогулку
с арбатского двора,
к нему-то все, как видно,
и вернется.

...Некуда теперь возвращаться. Есть Арбат — и нет его. Жизнь не кончилась, и в то же время ее как будто бы и не было. Розы, что пылали «гордые собою», теперь «заледенели и облетели». Перестроенный Арбат уже не вспомнит ничью молодость. У него как будто отшибло память.

Все меньше мест в Москве,
где помнят наши лица,
все больше мест в Москве,
где и без нас правы.

Михаил НОДЕЛЬ.

Фото
Алексея ДЕНИСОВА.
Фоторепродукция
Леонида ЕВСТИФЕЕВА.

Арбат. 1963 г.